

ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКИХ ЗНАКОВ ИДЕНТИЧНОСТИ (ТАМГА) в XIX–XX вв.

Аннотация. Процесс накопления первичных данных по казахским тамгам, формирования методики научного анализа и интерпретации источников может быть условно разделен на четыре хронологических этапа: первый этап (конец XVIII – последняя треть XIX в.) – начало регистрации родоплеменных и сословных знаков казахов трех жузов и сбор этнографических данных о живых традициях тамгопользования; второй этап (последняя треть XIX – первая треть XX в.) – формирование научного подхода к изучению казахских тамг; третий этап (вторая половина XX в.) – изучение тамговой системы как реликтового явления культуры казахов на основе дополнительных сборов этнографических и исторических данных; четвертый этап (от начала XXI в. до наших дней) – формирование методики комплексного историко-археологического изучения феномена тамгопользования. В данной работе предлагается краткий обзор работ, представляющих интерес при изучении казахских знаков идентичности в XIX–XX вв.

Ключевые слова: казахские знаки идентичности, историография, тамгопользование, Юго-Восточный Казахстан, функция.

Длительная история исследований и солидная библиография темы еще недавно позволяли считать казахские тамги «достаточно хорошо изученными и документированными» (Ольховский, 2001). Однако историко-археологические изыскания, активизировавшиеся в последние десятилетия, напротив, выявили неполноту ранее собранных материалов, установили противоречивость некоторых данных в трудах востоковедов XIX–XX вв., а также недостоверность многих форм знаков, приписывавшихся отдельным племенам и подразделениям казахов Старшего и Среднего жузов [Рогожинский 2010; Таласбаева 2014].

Перспективность современных историко-географических и этнографических исследований, предусматривающих систематическую регистрацию и картирование разновременных и разнотипных тамг и эпиграфики, показало комплексное изучение погребальной архитектуры кочевников Западного Казахстана [Ажигали 2002]. Расширяется ареал интенсивного поиска недвижимых памятников тамгопользования других видов – тамгапетроглифов, создававшихся вблизи стоянок, сезонных выпасов, водоемов, и на монументальных объектах XVIII–XIX вв., – которые позволяют полнее представить многообразие функций удостоверительных знаков в кочевой культуре казахов центрального, южного и восточного регионов Казахстана. При этом современные изыскания все более приобретают комплексный историко-археологический характер, а как исследовательские задачи выдвигаются выяснение общественно-исторических условий активизации практики тамгопользования, определение правовых механизмов использования зна-

ков идентичности, принципов их формообразования и др. Особую значимость углубленному изучению традиций тамгопользования казахов, нашедших столь многообразное материальное отражение, придает перспектива экстраполяции полученных результатов для сравнительного изучения памятников культуры средневековых и древних кочевников Казахстана и Центральной Азии.

Следует отметить, что научные подходы и методический арсенал, лежащие в основе современных исследований по казахским тамгам, складывались длительное время в общем русле тамговедения – специализированной отрасли исторического знания, развивающейся на стыке истории, археологии, этнографии и вспомогательных дисциплин (эмблематики, сфрагистики, эпиграфики и др.).

Отдельную благодарность хотелось бы выразить А.Е. Рогожинскому в помощи при написании статьи и снабжении необходимыми материалами.

Первый этап (конец XVIII – последняя треть XIX в.). Изучение казахских родоплеменных и сословных знаков насчитывает уже более двух столетий, принимая за точку отсчета регистрацию небольшой серии тамг казахов Среднего жуза в 1785–1790 гг. капитаном И.Г. Андреевым, при том что его известное рукописное сочинение «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» увидело свет только четверть века назад [Андреев 1998: 46]. Первые же опубликованные зарисовки знаков идентичности казахов Нового времени встречаются в работе А.И. Лёвшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Часть 3» 1832 г. В ней А.И. Лёвшин указывает, что «тамги или знаки, употребляемые киргиз-казаками

вместо подписей и клейм», заимствованы киргизами у монголов, которые распространили их не только в Средней Азии, но, вероятно, и в Индии» [Лёвшин 1832, с.135]. Тамги не входили в круг интересов исследователя, поэтому в работе не изучаются формы, формообразование, преемственность знаков. Относительно употребления тамг А.И. Лёвшин пишет, что «тамги или знаки, особенные для каждого рода и заменяющие подписи и гербы как в рукоприкладстве, так и в клеймлении скота, или другого имущества» [Лёвшин, 1832: 134].

Л.Л. Мейер в работе «Киргизская степь оренбургского генерал-губернаторства» 1865 г., предполагает, что тамги – «это знаки для клеймления скота, которые дал киргизским родам хан Тявка» [Мейер 1865: 405].

Следующим исследователем, в работе которого встречаются знаки, является И.М. Казанцев. И.М. Казанцевым так же, как и у Лёвшина, предполагается, что знаки (тамги) киргизов для обозначения вещей, скота, рукоприкладства, даны родам Чингиз-ханом [Казанцев, 1867, с. 213].

Г.Н. Потанин в результате путешествия в 1876-1877 гг. провел сбор этнографических данных Северо-Западной Монголии. В опубликованной работе вводит новые знаки-тамги киргизских поколений, не давая никаких комментариев, видимо, подразумевая преемственность и отсутствие видоизменений знаков [Потанин 1883, табл. I].

Исследователями проводились этнографические сборы материалов, а тамги фиксировались на месте. Видимо, поэтому в данных работах основными функциями тамг выделяются применение в качестве знака клеймления скота, а также использование в рукоприкладстве. Исследователями после сбора источников у населения предполагается, что знаки возникли еще в средневековый период.

Второй этап (последняя треть XIX – первая треть XX в.). Второй этап ознаменован первыми попытками обобщения накопленного материала, проведением сравнительного анализа, а также выдвижением гипотез как о происхождении, так и о функциональном назначении знаков.

Работа П.С. Ефименко «Юридические знаки» 1874 г. является первым глубоким исследованием, в котором тамги становятся объектом специального исследования. П.С. Ефименко пишет, что «почти все кочевники Средней Азии имеют свои родовые знаки. Родовые символы теряют здесь значение прозвищ для родов, ибо роды уже называются другими именами, например, именами родоначальников, места кочевки и т.п. Они уже не имеют того священного значения, как у дикарей, и состоят по большей части из изображений предметов домашней жизни и вообще кочевой и т.п.» [Ефименко

1874: 274]. П.С. Ефименко предположил, что «первобытные родовые знаки состояли по большей части из изображений животных, редко других предметов, которым поклонялись племена», нося их имена; во втором периоде эволюции знаков роды получают особые наименования, по большей части от имени своего родоначальника или местности кочевков, символами же или знаками делаются предметы домашней жизни, неизвестные в бродячем быту; в третьем периоде знаки собственности теряют свои названия, почти все состоят из рубежей, то есть прямых линий, и делаются чисто условными знаками; «наконец, в четвертой фазе своего развития клейма являются в совершенно новой форме, в виде начальных букв имен и фамилий своих владельцев», таким образом, впервые описав возможный процесс изменения знаков [Ефименко 1874: 286-288]. Следуя за веяниями того времени, П.С. Ефименко предложена историческая периодизация юридических знаков. Можно предположить, что П.С. Ефименко не ставит вопрос преемственности знаков под сомнение, лишь считая, что форма видоизменяется ввиду изменения условий жизни.

В работе Н.И. Гродекова «Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области» 1889 г. указано, что «древность тамг подтверждается тем, что многие названия родов, а чаще колен (отделений) происходят от названий тамг» [Гродеков 1889: 3]. Цитируя В. Наливкина, Н.И. Гродеков пишет, что «нахождение в известном месте родовой тамги на могиле или другом памятнике может доказать, что там некогда кочевал такой-то род». Важной деталью работы Н.И. Гродекова являются указания о том, в каких случаях применяется знак, помимо уже известных (знак ставится или чертится на земле в случае нахождения нового места, тем самым обозначая территорию, на которую притязать нет смысла) [Гродеков 1889: 4-8].

В 1889 г. А.Н. Харузиным в работе «Киргизы Букеевской орды», дается определение тамги как знака родового, не соглашаясь с представлениями о том, что тамга есть знак собственности [Харузин 1889: 148]. Так же, как и ранние исследователи, А.Н. Харузин вводит новые тамги, проводя сравнение с уже собранными знаками идентичности Л.Л. Мейером и А.И. Лёвшиным. Автор пишет, что каждый род имеет свою тамгу, несмотря на то, что тамги появляются и у родовых отделений. Разница же в изображении тамг возникает из-за того, что «киргизы неряшливо изображают их, не обращая внимания на положение и форму» [Харузин 1889: 149], а появление и введение добавочных тамг у некоторых родов Букеевской Орды исследователь связывает с упадком родового устройства в Букеевской Орде, когда родовые отделения приобретают новый статус, становясь

самостоятельными для получения собственной тамги [Харузин 1889: 149].

Тамги, собранные исследователями в этот период, имеют, по мнению авторов, более древнее происхождение (начиная с монгольского времени до времени правления Тауке-хана). Это заключение следует из выдвинутых исследователями гипотез о схожести родовых имен, возможности видоизменения традиционно передающихся знаков идентичности.

Первыми работами по праву, в которых предлагается анализ уже известных форм знаков, а также поиск племенных связей, выясняя этнический состав и происхождение, являются труды Н.А. Аристов. В работах исследователя приводится ранее высказанная П.С. Ефименко идея о том, что «тамги были первоначально изображениями родовых богов или духовных покровителей и лишь впоследствии обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобный для вырезывания или выжигания» [Аристов 1896: 286-287]. Добавление приставочных черт, согласно Н.А. Аристову, так же, как и у П.С. Ефименко, свидетельствует о родственной связи племен со схожими знаками [Аристов 1894:]. Опираясь на морфемные изменения тамг, Н.А. Аристов предполагает племенное родство или его отсутствие.

После расшифровки В. Томсенем и В.В. Радловым древнетюркского письма произошел поворот во взгляде на тамги. Если ранее происхождение форм тамг из изображений тотемов племени или же рода деятельности или оружия племени не подвергалось осмыслению, то Н.А. Аристов, сравнив имеющиеся материалы с казахскими тамгами, предположил (идея была предложена Спасским еще в 1820 г.), что орхонское письмо составлено из древнетюркских тамг [Аристов 1894: 418].

Из-за сходства тамг и букв рунического письма появляется работа Н. Маллицкого «О связи тюркских тамг с орхонскими письменами» в 1898 г., в которой приводятся знаки для более достоверного доказательства единения тюркских тамг с орхонскими письменами, и ряд других работ, в которых также указывается на родство современных на тот момент тамг с буквами тюркского письма [Маллицкий 1898: 43-47].

Необходимо отдельно выделить работу Д.Н. Соколова о башкирских тамгах 1904 г., так как он в своем труде выделяет 5 способов формообразования (добавление диакритических знаков, опрокинутые тамги, искажение знака (изменение угла между составляющими прямыми, растяжение всей тамги или отдельной части), смещение посредством слияния, а также удвоение) знаков, разделяя знаки кочевых племен на знаки родовые, сословные и кастовые – тамга духовенства и тамга сул-

танская [Соколов 1904:17]. Вслед за Н.А. Аристовым, Н. Маллицким и др., Д.Н. Соколов предполагает, что тамги послужили образцом для создания тюркского письма. При этом Д.Н. Соколов указывает, что тамги могли быть символами каких-либо божеств, присоединяясь к мнению П.С. Ефименко и Н.А. Аристова. В работе Д.Н. Соколов экстраполирует формообразование тамг оседлого населения на тамги кочевого населения, не рассматривая возможность разности применения знаков из-за отличных условий жизни.

Работы Шакарима Кудайберды-улы [Кудайберды-улы 1990], М. Тынышпаева [Тынышпаев 1925] продолжают тенденцию выявления родоплеменных связей, приводя тамги как доказательную базу, а также обобщая уже накопленные к тому времени выводы.

Третий этап (вторая половина XX в.). Начиная со второй половины XX века, в изучении тамгопользования появляется новое направление – введение в научный оборот тамга-петроглифов.

С.А. Аманжолов проводит историографический обзор ранних работ об этногенезе, вводит средневековые источники [Аманжолов 1959]. Во время обследования Чу-Илийского нагорья в 1956 г. им были обнаружены несколько тамгообразных знаков, выбитых на скалах, о которых уже после его смерти сообщил А.С. Аманжолов [Аманжолов 1959]. При атрибуции тамга-петроглифов автор исходил из внешнего сходства с тамгами различных племен.

Продолжив научный путь отца, А.С. Аманжолов в 1966 г. публикует результаты эпиграфической и археологической разведки хребта Кетмень (Тянь-Шань), в которых содержатся как средневековые, так и казахские тамга-петроглифы [Аманжолов 1966]. Интерес представляет то, что автор весьма осторожен с предположениями относительно генезиса средневековых тамгообразных знаков как в ранних, так и более поздних работах.

В.В. Востров, М.С. Муканов в труде 1968 г., пишут, что тамги являются «весьма убедительным доводом», который может поставить под сомнение родство племен в диахроническом анализе [Востров, Муканов 1968: 35]. Интересным замечанием, сделанным исследователями, является то, что при переходе, присоединению к другому племени родовая группа могла сохраниться в их составе свою тамгу. В работе ими использовались ранее приведенные Н.И. Гродековыми, М. Тынышпаевым, С.А. Аманжоловым родоплеменные знаки.

В.П. Курылев, внося завершающий штрих, указывает, что несмотря на то что тамги известны начиная с древнетюркского периода, тамги же казахов появились лишь в 70-х годах XVII в., ссылаясь на «Уложения хана Тауке» [Курылев 1989: 210]. В своей работе В.П. Куры-

лев подчеркивает вклад Н.А. Аристов в выяснении этнического состава, считая применение Н.А. Аристовым тамг для доказательства «родственных связей между некоторыми казахскими родоплеменными объединениями» успешным [Курылев 1989: 211]. Им было подчеркнуто отсутствие единой точки зрения о функциональном значении тамг.

Таким образом, мы видим, что отношение к тамгам у исследователей XIX – XX вв. кардинально менялись. Если в первой половине XIX в. бытовало мнение, что тамги применялись для клеймления скота, имущества и подписи документов и являлись лишь «инструментом различия», не представляющим особый интерес, то

Литература

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Научно-издательский центр «Фылым», 2002. – 654 с.

Аманжолов А.С. Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная, № 5. Алма-Ата: «Наука», 1966. – С. 79-96.

Аманжолов А.С. Писаницы ущелья Утеген // Вестник Академии наук Казахской ССР. – № 10 (175), 1959. – С. 52-61.

Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Часть первая. – Алма-Ата: Казахское государственное учебно-педагогическое издательство, 1959. 452 с.

Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Фылым, 1998. – 280 с.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина / Периодическое издание отделения этнографии Императорского русского географического общества. Выпуск III-IV. – СПб.: Типография С.Н. Худекова, 1896. – С. 267-542.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающих антропологических исследований // Живая старина / Периодическое издание отделения этнографии Императорского русского географического общества. Выпуск III-IV. – СПб.: Типография С.Н., 1894. – С. 391-484.

Востров В.В., Муқанов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968. – 254 с.

Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области // Том первый. Юридический быт. – Ташкент: Типо-Литография С.И. Лахтина. 1889. – 205 с.

Ефименко П. Юридические знаки // Журнал министерства народного просвещения. Октябрь 1874. Часть CLXXV. – СПб.: Типография В.С. Балашева. 1874. – С. 53-293.

Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1867. – № 5. – 231 с.

Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Перевод Бахыта Каирбекова. – Алма-Ата, СП Дастан, 1990. – 120 с.

Курылев В.П. Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая история и традиционная культура

во второй половине XIX–XX вв. тамги выделяются в отдельный обособленный объект исследования, необходимый при изучении родоплеменных связей, их происхождении и взаимодействии. Отсутствие единого мнения о происхождении, принадлежности знаков, как и весьма размытое понимание об их функциональном значении, говорит лишь о недостаточном количестве материалов, которым могли воспользоваться исследователи в то время. Исследования же XIX–XX вв. заложили значительный фундамент для разработки методики комплексного историко–археологического изучения феномена тамгопользования, проводимого в настоящее время.

народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус: «Каракалпакстан», 1989. – С. 210-222.

Лёвшин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. – СПб: типография Карла Крайя, 1832. – 304 с.

Маллицкий Н. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии. – Ташкент: Типо-Литография торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские». 1897-1898. – С. 43-47.

Мейер Л.Л. Киргизская степь оренбургского генерал-губернаторства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. – СПб.: Типографии Э. Веймара и Ф. Персова, 1865. – 292 с.

Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. – Армавир, 2001. – № 7. – С. 75-86.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. Выпуск II. – СПб: Типография В. Киршбаума. 1881. – 181 с.

Рогожинский А.Е. Мы, нижеприложившие истинные тамги<...> (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сборник материалов международной научной конференции, г. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. / Ред. колл. Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т., Масанова Л.Е. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 101–127.

Соколов Д.Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Выпуск XIII. – Том XIII. – Оренбург: Типо-литография Н.А. Порхунуова, 1904. – 100 с.

Таласбаева А.К. Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII-XIX вв. // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство / Сборник материалов международной научной конференции, г. Астана, 18-19 марта 2014 г. / Отв. ред. Ерофеева И.В. – Алматы: Издательство EVO PRESS, 2014. – С. 283-288.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост. Отд. Кирг. Госуд. Изд-ва, 1925. – 64 с.

Харузин А. Киргизы Букеевской Орды (антрополого-Этнологический очерк) // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском Университете. Том LXIII / Труды Антропологического отдела. Том X. –М.: Типография А.Левенсон и Ко, 1889. – 550 с.